

Конструирование образа бездомного в публичном дискурсе России: анализ социальных, медийных и институциональных практик

Научный руководитель – Мальков Максим Дмитриевич

Рыбалко Анастасия Валерьевна

Студент (бакалавр)

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Институт общественных наук, Москва, Россия
E-mail: rybalko-2004@inbox.ru

В настоящее время бездомность является одной из важных проблем, которая традиционно не находит достаточного отражения в научных исследованиях [6]. В реалиях Российской Федерации около двух миллионов людей не имеют места жительства, однако мы знаем о них крайне мало. Бездомность представляет собой не просто социальную проблему, но и сложный дискурсивный феномен. То, как мы говорим о бездомных, напрямую влияет на практики исключения или поддержки этой группы. В научном поле существует пробел в понимании того, как именно язык и власть конструируют фигуру бездомного и превращают его из субъекта, нуждающегося в помощи, в объект контроля.

Цель исследования – выявить, как через дискурсивные стратегии конструируются категории «достойных» и «недостойных» помощи, и как эти конструкции влияют на институциональные барьеры [8]. Объектом исследования выступают публичные дискурсы о бездомности в российских СМИ, официальных документах и отчетах некоммерческих организаций.

Исследование опирается на методологию критического дискурс-анализа в русле диалектико-реляционного подхода Н. Фэркло, где дискурс рассматривается как форма социальной практики, конструирующая социальный мир через механизмы операционализации [5]. Данный подход дополнен концепцией власти-знания М. Фуко о дисциплинарной власти и процедуре «экзамена» [4]. Такой синтез позволяет не только описать, как говорят о бездомных, но и вскрыть механизмы того, как бюрократические процедуры превращают живого человека в объект надзора и легитимируют институциональное насилие.

Информационной базой выступил эмпирический материал трех ключевых акторов: государственных органов (нормативные акты, статистика МВД), некоммерческих организаций и медийно-общественного поля. Анализ показал глубокий конфликт в конструировании образа бездомного в публичном поле России среди различных акторов.

Государственный дискурс характеризуется бюрократической объективацией. Центральным термином остается «лицо без определенного места жительства» (БОМЖ) – аббревиатура, редуцирующая человека до административного статуса. Отсутствие регистрации влечет административную ответственность, создавая замкнутый круг: для регистрации нужен адрес, а без нее невозможна социальная помощь [2]. В криминальной статистике МВД бездомный предстает не жертвой структурных обстоятельств, а рецидивирующим делинквентом, чья биография описывается через отклонение от нормы [1].

Некоммерческие организации выстраивают радикально иной контрдискурс. Они сознательно отказываются от клейма «бомж», используя person-first language: «люди, переживающие бездомность» [3]. Публикуя личные истории, НКО показывают структурные причины проблемы. Важным ходом является создание тестов на «Индекс уязвимости», которые подчеркивают универсальность риска и провоцируют эмпатию, разрушая иерархию «достойных» и «недостойных» [10].

Масс-медиа и общественное мнение воспроизводят наиболее стигматизирующий дискурс. Доминирует термин «бомж», фигурирующий в контексте криминала, риторики загрязнения и отвращения. Опросы показывают, что большинство россиян считают главной причиной бездомности вредные привычки, возлагая вину на самих людей [9]. Выстраивается иерархия уязвимых групп, где бездомные оказываются на самом низу шкалы благотворительной поддержки [7].

Таким образом, анализ трех дискурсивных полей демонстрирует, что государственный дискурс объективирует и криминализирует проблему бездомности, НКО пытаются вернуть людям субъектность, а медийно-общественный дискурс воспроизводит стигму отвращения. Доминирующим остается стигматизирующий нарратив, что приводит к воспроизводству социального исключения. Изменение языковых практик и внедрение person-first language на институциональном уровне может стать началом процесса дестигматизации.

Источники и литература

- 1) Андреева С. Ю. Преступность лиц без определенного места жительства в России: основные тенденции и проблемы предупреждения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 18. С. 84-88.
- 2) Коваленко Е. А., Строкова Е. Бездомность: есть ли выход? М.: Фонд «Институт экономики города», 2013. 132 с.
- 3) Кузинер Е. Н. Исследование бездомности: методология, эмоциональная вовлеченность и место исследователя в сенситивных полях // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 2. С. 69-88.
- 4) Фуко, М. (1999). Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Ad Marginem.
- 5) Fairclough, N. (2010). Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language (2nd ed.). Routledge.
- 6) Irudayaraj, A., Ye, N., & Chainani, Y. (2025). Shifting Narratives: A Longitudinal Analysis of Media Trends and Public Attitudes on Homelessness. DOI:10.31235/osf.io/njzbu_v1
- 7) Ranjit, J. et al. (2024). OATH-Frames: Characterizing Online Attitudes Towards Homelessness with LLM Assistants.
- 8) Yuan, H. (2025). What can language do?: Person-centered label effects on perceptions and behaviors toward people who are homeless [Masters thesis]. The University of Chicago.